

НАКАНУНЕ войны Зиновий Гердт — актер знаменитой театральной студии Алексея Арбузова. Потом — фронт, тяжелое ранение. Перенес одиннадцать операций, но нога перестала сгибаться в колене. В госпитале Гердт принял решение стать актером-кукольным и в 1945 году на костылях пришел в Театр кукол к Сергею Образцову, где и проработал 36 лет. Сейчас он — актер Московского театра им. М. Н. Ермоловой.

Кинозрители хорошо знали актера «невидимку» по его голосу за кадром. Гердт дублировал крупнейших артистов мирового кино — Жана Габена, Жерара Филлипа, Питера О'Тула... Впервые Гердт снялся в фильме «Семь няnek» Ролана Быкова. Он играл в фильмах «Печки-лавочки», «Фокусник», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», «Военно-полевой роман», «Золотой теленок», «Городской романс», «Сказки Старого Арбата», «Соломенная шляпка», «Тень» и многих других.

— Зиновий Ефимович, расскажите, пожалуйста, о ваших кинематографических работах в последнее время.

— Прошлый год прошел под знаком Бабеля. Сейчас очень много ставят Бабеля, но его проза имеет некие особенности поэтики, их просто так воспроизвести невозможно. Слово во фразе Бабеля невозможно переставить, как в стихах, и соприкосновению с этой фразой нельзя научить. Это нарабатывается с годами, это чувство есть или его нет. Поэтому я не без тревоги согласился на роль Арье-Лейба в картине «Биндюжник и король» по пьесе «Закат». Режиссер Аленников по сценарию Эппеля сделал мюзикл с музыкой Журбина на киностудии имени Горького. Сначала я не очень понимал, как эти люди могут приступить к тексту Бабеля, когда они успели нажить это чувство. Надо сказать, что Эппель, к моему удивлению, целиком им владеет. Потом, при близком соприкосновении с ним, я обнаружил, что он культурен вообще.

Одновременно режиссер Юнгвальд-Хилькевич на Одесской киностудии предпринял постановку фильма «Искусство жить в Одессе» по рассказам и дневниковым записям Бабеля, где опять же невозможно обойтись без Арье-Лейба, и нет ничего удивительного в том, что он выбрал меня. Решив, что Арье-Лейб — лицо, будем говорить, историческое, я, конечно, определил, что он должен быть в одном гриме и костюме в двух фильмах. Ну, право же, литературный или документальный герой, если он с такой определенностью выписан автором, может рассчитывать на определенный облик. Так я и постановил. Режиссеры не сопротивлялись. Вообще говоря, это прекрасное состояние для актера, которого принято считать зависимым во всем и кругом, если вдруг возникает гордое положение, когда он может диктовать — им я и воспользовался. Что из этого получилось? Конечно, далеко не все, что грезилося.

Обыкновенно я имею внутреннюю установку и здоровую долю трусости не смотреть фильмы, в которых снимался, потому что все кажется не так: это надо было иначе, то — по-другому, а переделывать я ничего не могу. Но эти две картины я видел, и, конечно, многое меня огорчило, но что-то в каких-то мгновениях приближается к той отметке, где начинается искусство...

Прошлые лето было отмечено еще двумя работами, не менее для меня важными. Это фильм Герасимова «Поездка в Висбаден» по «Вешним водам» Тургенева, где я попробовал себя в роли совершенно «детского» старика Пантелеона, трагикомического человека, бывшего оперного певца, а теперь приживал в семье Джеммы, и еще участвовал в документальной картине о жизни и судьбе Шолом-Алейхема и его народа — «Мир вам, Шолом!». Фильм сделали два режиссера — Двинский и Ирмгард фон Цур Мулен по сценарию Кузнецова и Славина. Прочитав сценарий, я почувствовал, что это о судьбе и моего народа. Антисемитизм в нашей стране стал чуть ли не обязательным элементом вполне культурной жизни, и в сотнях публикаций это уже не останавливает нашего взгляда, как будто так и должно быть. И, видимо,

это та статья Конституции, которая вроде бы не подлежит исполнению. Это некий знак, вполне литературно-декларированный, и никто уже и не ждет законных разбирательств. Иногда только власти позволяют себе обмолвиться, что слухи о предстоящих еврейских погромах преувеличены. Я, следовательно, с полным пониманием участвовал в этой документальной ленте. Горькое чувство, что наши антисемиты, увидев этот фильм, вряд ли что поймут, не умаляет моего понимания того, что не принимать участия в этой акции я не имел права.

Ну а что касается предстоящих приключений моих сил в кино, то они не

щат, что низвергнут подносок-председателя Совета Министров целой республики.

— Какие фильмы нам необходимы сейчас?

— Ничего нового я не открою, сказав, что главной нуждой является поднятие из праха нравственности, совестливости, духовности. Я таких картин еще не видел в нашем сегодняшнем кино. То маленькое обстоятельство, что кассу делают ленты, в которых трахаются, быстро пройдет.

— Ваше мнение об авторском кино?

— Авторское кино, видимо, — самое ответственное. Оно подобно лирическому стихотворению, если чувство, совер-

— Какой вопрос вы хотели бы задать самому себе?

— Тем ли я занимаюсь, на что я потратил жизнь? Мне кажется более справедливым, если бы я стал воспитателем в детском доме, потому что ничто не приводит меня в такой явственный трепет, как общение с детьми и животными. Это удивительно, что мне доверяют дети и собаки, а я как-то не на это потратил жизнь и основные усилия души. Я бы на этом поприще был полезнее, и жизнь была бы более осмысленна. С другой стороны, самоведство как главная черта характера, может быть, не так уж плохо, потому что когда я вижу в людях комплекс полноценности, он мне кажется еще пагубнее моего понимания собственного несовершенства. Все эти государственные определения степени художественности в художниках, артистах — так ничтожны. Может ли власть определить, кто заслуженный, кто народный артист — это смешотворно. Расположение публики тоже не всегда определяет с большой точностью достоинства художника. Я бы назвал из людей моего цеха «национальным достоянием»: из женщин — Инну Чурикову и Марину Неёлову, из мужчин — Алексея Петренко. Их природное сращение с профессией для меня непостижимо и недостижимо. Когда меня хвалят, я вежливо улыбаюсь, а про себя думаю: «А насколько ты приблизился к ним?». Откуда и вечная печаль во взоре.

— Если человека преследует «проклятый» вопрос, то, наверное, должна быть и заветная мечта?

— Есть мечта. Ведь мы живем в удивительной стране, где человек весь свой век трудится, имеет двух- или четырехнедельный оплачиваемый отпуск раз в году, а все остальные дни с восьми утра стоит у станка или работает в поле, чтобы к концу жизни отложить себе на похороны, а в лучшем случае на поминки. Так не живет никто на свете. Ну хорошо, я заработал и на поминки, и даже на сорок дней, я избран судьбой настолько, что оставлю в наследство внуку и дачу больше, чем шесть соток, и автомобиль, а если бы расстался, то и видео, а это ли ему нужно? Полагаю, нет. Значит, таким образом, моя тщеславная мечта — некая воображаемая сцена. Так, лет через 20 к моему внуку подойдет его со товарищи и спросит: «Послушай, вот был такой артист хромой, он твой дед?». — «Да», — скажет внук. А тот ему заметит: «Знаешь, говорят, он был порядочным человеком». По-другому мне не нужно. Я с печалью наблюдаю, как нерасчетливо иные люди моего возраста сегодня говорят и поступают так опрометчиво ради сиюминутных эфемерных выгод, совершенно не заботясь о том, какое омерзение будут вызывать их имена через каких-нибудь 10—15 лет. Вот, все.

— Человеческий идеал — это миф или реальность в советском обществе? Я имею в виду идеал не как авторитарный миф советского сознания, например, миф Ленина, миф Сталина, а как общечеловеческое понятие.

— Я никогда близко не видел Сахарова, не был с ним знаком, но он для меня идеал очень давно. Я много бывал за границей и видел свободных людей. Их свобода проявляется во всем, даже в выражении лица. Оно может быть обременено думами, какими-то проблемами, но оно не агрессивное, не обоезненное — оно свободное, и этим все сказано. А быть свободным в несвободной стране — это доблесть. Свободный человек говорит то, что чувствует, не оглядываясь, то, что угодно Богу. У Пастернака в «Докторе Живаго» есть фраза, которая меня восхитила: «У него было дворянское чувство равенства со всеми живущими». Сознание этого свойства было у меня, когда я читал Сахарова. Он зависел только от своих убеждений.

— Вы считаете для себя возможным достижение идеала?

— Жизнь, слава Богу, не кончилась, и у меня еще есть время для познания человека и преодоления некоторой, хотя бы невысокой, ступеньки к совершенствованию.

Беседу вел
Ирина ОРЕХОВА.

СО ВСЕМИ ЖИВУЩИМИ

Артист Зиновий ГЕРДТ: «Быть свободным в несвободной стране — это доблесть».

слишком богаты масштабностью. Снимаюсь у Митты в фильме «Затерянный из Сибири» — в печальной роли эзика-бухаринца, полжизни проведенного в отставании бухаринских идей, сначала на воле, а потом в лагерях.

Согласился на небольшую роль, тоже вполне трагическую, в фильме «Детство Темы» по повести Гарина-Михайловского на киностудии имени Горького. Эта картина — режиссерский дебют Чурбаковой.

— Вам нравится давать интервью?

— Честно сказать, я редко соглашаюсь на подобного рода интервью, потому что не вижу в этом серьезности, а только удовлетворение любопытства мальчиков и девочек о жизни популярных киноартистов.

— Что для вас неприемлемо в советском кинематографе?

— В игровом кино для меня неприемлемо жажда успеть за публицистикой — это за пределами художественного. По моим понятиям, художественное начинается там, где исследуются человеческая судьба, душевный разлад, страдания неразделенной любви, вынужденность конформизма — в общем все, что может вызвать сострадание, смятение сердца, узнавание своих переживаний в переживаниях героя. Вечер, проведенный в кинозале без восторга или слез, для меня потерянный. Мне глубоко плевать на мелкое злорадство, когда на экране низвергают подонка-министра, если я знаю, что в завтрашней газете мне сооб-

шенная правдивость изложенного отзовется в твоей душе таким образом: «Боже мой, это ведь и со мной так было, что же я это не изложил!».

— У вас есть любимая кинополь?

— Кукушкин в фильме «Фокусник» режиссера Тодоровского. Все обо мне и о всех, мне подобных.

— Что вы считаете главным в жизни? В искусстве?

— Главное для советского человека, человека совершенно особой формации — в мире другого такого нет, — преодоление рабства, страха и познание своего ничтожества. Для меня, человека старого, эта задача почти непосильная, однако это главный труд души. И если редко-редко удается хотя бы мизерная победа на этом поприще, то это внушает мне надежду. Что касается ремесла, я в этом не так уж много знаю. Надо взбираться на отвесную скалу, на вершине которой сияют непосредственность и искренность чувств. Задача едва ли выполнимая, но божественная. Мне, хобби которого — чтение стихов (не публичное чтение, я не мастер художественного слова), — все видится через стихотворную строку. Да и проза редко, но пронимает с не меньшей язвительностью. Как ни странно, но стихи Самойлова и проза Быкова стоят у меня где-то в вышине и рядом. Эти литераторы учат меня моей профессии. На их плечи можно опираться, и отвесность той скалы мне на мгновение представляется преодолимой.